

Теоретические дискурсы и дискуссии

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4.1

EDN: AOYZYU

Критический поворот в изучении наследия: от властного дискурса к низовым практикам¹

Ссылка для цитирования:

Калинычева С. Д. Критический поворот в изучении наследия: от властного дискурса к низовым практикам // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 4. С. 10–24. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.1> EDN: AOYZYU

For citation:

Kalinycheva S. D. (2024) A Critical Turn in Heritage Studies: From Power Discourse to Grassroots Practices. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 4. P. 10–24. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.1>

Калинычева Софья Дмитриевна

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия

E-mail: sdkalinycheva@edu.hse.ru

*Автор анализирует предметное поле исследований культурного наследия, начиная со времени зарождения научного дискурса о наследии в XIX веке и заканчивая современными критическими работами. Отмечается, что в работах, вышедших в последние десятилетия, пересматривается привычное представление о культурном наследии как об аутентичном медиуме между прошлым и настоящим, и взамен предлагается понимать наследие в его процессуальных формах, будь то авторизованные дискурсы, экспертное номинирование или низовые практики защиты и заботы. При этом большое значение приобретают темпоральное измерение наследия, его девалоризация и пересборка в связи с потребностями современных зрителей. Автор выделяет основные направления и реперные точки *heritage studies* и *critical heritage studies*, обсуждает ограничения теоретического и прикладного плана, а также обозначает то, что приводит к дефрагментации данной предметной области. Особое внимание в работе уделяется низовым практикам присвоения*

¹ Данная работа подготовлена при поддержке факультета социальных наук НИУ ВШЭ в рамках проектной группы «Городская повседневность на микроуровне»

наследия: его апроприации, коммодификации и рутинизации, а также тому, какое место уделяется наследию в пространстве современного города.

Ключевые слова: культурное наследие; исследования наследия; критические исследования наследия; коллективная память; культурная апроприация; темпоральность; коммодификация

Что такое культурное наследие? В российском федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»¹ представлен перечень объектов, которые закон и правоприменитель относят к наследию. Это памятники, архитектурные ансамбли, достопримечательные места и другие предметы, имеющие определенные вещественные границы и иногда конкретную локализацию. Так или иначе, речь идет о материальных объектах, которые поддаются верификации, экспертизе и документированию. В толковом словаре Ожегова под наследием понимается «явление духовной жизни, быта, уклада, унаследованное, воспринятое от прежних поколений, от предшественников» [Ожегов, 1999]. В каждом случае наследие особым образом контекстуализируется и фреймируется, не теряя при этом как своей «духовной», так и «формально-материальной» природы.

Вместе с тем здравый смысл как будто требует редукции к материальному и вещественному, ведь мы можем потрогать памятник, сфотографировать его и даже получить в реестре ОКН подробную справку о его статусе. Разве это не свидетельство того, что наследие можно свести к конкретным материальным объектам? Подобным образом размышляли на заре становления дисциплины о наследии в XIX веке. Именно в это время эксперты-искусствоведы составляли «словарь наследия», апеллируя к аутентичным свойствам памятника. Не забывали пионеры дисциплины и о духе памятника, его почти сакральной природе, которая, однако, была неотделима от самого вещественного объекта.

Такой подход, сводящий памятник к материалу и задокументированному провенансу, заставит опытного исследователя или градозащитника возразить. Возможно, интересующий нас объект был подвергнут тщательной реставрации или ремонту либо из-за отсутствия ухода превратился в руину и утратил свои первоначальные свойства, а может, уполномоченные органы отказывают ему в статусе объекта наследия, несмотря на протесты общественности и экспертов. А это значит, что статус памятника, его ценность и аутентичность ставятся под сомнение. Более того, реставрация памятника в каждый конкретный исторический период будет зависеть от тех эстетических и идеологических запросов, которые формирует эпоха и особый режим темпоральности.

Все эти и многие другие критические замечания в 2000-е годы послужили причиной для формирования той области научного знания, которую сейчас

¹ Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 06.06.2024).

принято называть критическими исследованиями наследия (critical heritage studies). Ее предметная область — процессы и отношения, возникающие по поводу наследия, а также его институциональные и дискурсивные рамки. Обнаруженная флюидность наследия позволила А.С. Колесник и А.В. Русанову сделать вывод о переходе от парадигмы «наследие-как-вещь» к парадигме «наследие-как-процесс» [Колесник, Русанов, 2022]. В фокусе критики та самая экспертность, которую защищали искусствоведы-профессионалы, а также властный авторизованный дискурс, поглощающий собой разнообразные партикулярные практики и способы означивания.

Вместе с тем городские жители проявляют удивительную способность сопротивляться навязанным им способам прочтения и формировать свое собственное особое видение города с помощью рутинных практик или более осознанных антисистемных действий, будь то протест или художественная интервенция. Более того, наследие постоянно переходит из рук в руки в процессе его апроприации и культурного переозначивания. Так горожане приобретают право не только на город, но и на его историческую среду.

В настоящей статье прослеживается генезис исследований наследия и обозначается контекст, а также возможные причины перехода от эссенциалистского понимания наследия к более флюидным и процессуальным способам концептуализации. В фокусе работы находится проблема агентности горожанина, его способности противостоять навязанному официальному дискурсу и предлагать свои способы прочтения и пересборки города и его исторической среды.

Наследие: аффективная экспертность

Исследования наследия появились в период национального строительства в XIX веке благодаря деятельности искусствоведов и историков искусства по каталогизации и описанию памятников, а также по их спасению — реставрации или консервации. Их экспертная миссия сводилась к тому, чтобы отфильтровать объекты, которые можно было представить в качестве следов славного прошлого нации. Именно тогда и было сформулировано понятие «историко-художественная ценность», которое и сегодня является ключевым при экспертизе объектов наследия на предмет включения в официальные реестры.

Среди авторов, которые занимались каталогизацией и верификацией наследия, следует выделить Джона Рёскина, Бернарда Беренсона, Алойза Ригля, Пола Филиппота, Эрвина Панофски и Уильяма Морриса. Что же их волновало? В первую очередь — сам памятник, его вещественная природа, провенанс и та «патина», благодаря которой его можно добавить в соответствующих толстый каталог.

Алойз Ригль указывает на существование художественной и исторической ценности предмета искусства — именно на эти свойства и их различие должен быть направлен строгий глаз эксперта [цит. по: Price, Talley, Vaccaro, 1996].

Художественная ценность устанавливается посредством изучения материала, техники, условий создания и, как пишет Эрвин Панофский, — интуитивного следования авторскому замыслу, его раскрытию [цит. по: Price, Talley, Vaccaro, 1996]. Вместе с тем художественная экспертиза осложняется субъективным восприятием эксперта, его предубеждениями, художественным вкусом и ценностями. Именно поэтому такая авторская оценка качества должна дополняться исследованием провенанса — документов и других архивных свидетельств. Получается достаточно стройный и понятный процесс верификации памятника: необходимо определить, обладает ли он художественной ценностью, а также насколько его родословная, или провенанс, делает его ценным в глазах нынешнего поколения. Однако все не так скупно и бюрократично, как может показаться.

Обратимся к тому, как признанный классик и теоретик искусств Джон Рёскин формулирует ценность архитектурного объекта в своей знаменитой работе «Семь светочей архитектуры» [Рёскин, 2018]. Культурное наследие Италии Рёскин определяет как «дух благородного, достойного, спокойного самообладания», а наследие в целом — как след ушедшей прекрасной эпохи, чистый и непредвзятый медиум между прошлым и настоящим. Получается, что памятник не является просто дискретной и субстанциональной единицей, вписанной в каталог. У него есть «прибавочная стоимость», как сказали бы сегодня, «аура», или некая романтическая дымка, вызывающая интенсивные эмоциональные переживания. Заложенная в наследии способность зрителя к аффектации для Рёскина была неотделима от самого объекта, его вещественных свойств и «качества». Вместе с тем именно этот по сути нематериальный аспект наследия является мостиком как к последующим теориям, возвращающим агентность обычному зрителю-неэксперту, так и к исследованиям, в которых раскрывается эмотивная природа наследия. Среди них — работа Р. Лоуэнтала про новые измерение наследия, о которой подробнее будет сказано ниже.

Несмотря на то что труды классиков, заложивших основу современной историко-художественной экспертизы, сейчас считают устаревшими и излишне поэтическими, нельзя отрицать, что они создали актуальный язык наследия. Подлинность, аутентичность, эстетическая и художественная ценность, — все эти понятия воспринимаются как набор естественных и неотъемлемых свойств памятника. Умением грамотно верифицировать с их помощью объекты на основании якобы естественных свойств обладает лишь эксперт. Связь наследия и эксперта, с одной стороны, и связь наследия и национального государства, с другой, породили одновременно и привычный контекст наследия, и последующий за этим кризис номинирования и классификации.

Именно против эксперта и государства, поддерживающих с помощью бюрократического аппарата властный авторизованный дискурс о наследии, и выступили критически настроенные исследователи послевоенного поколения. Одним же из важнейших поводов подвергнуть сомнению устоявшуюся систему значений стало чувство утраты, связанное как с интенсивной урбанизацией, так и с двумя мировыми войнами, кардинально изменившими облик Европы.

Великий кризис, утрата и новый режим темпоральности

Поводом для интенсификации дебатов о культурном наследии послужила тревога в среде европейских интеллектуалов в связи со сменой привычного уклада и перехода на рельсы научно-технического развития в конце XIX — начале XX века. Так, обеспокоенный массовой урбанизацией и оттоком населения из сельской местности, в 1891 году шведский исследователь и этнограф Артур Хазелиус открыл первый музей под открытым небом, или Скансен, на острове Дьюргарден в центре Стокгольма [Севан, 2006]. Такие музеи-деревни в довоенное время массово появлялись в странах Скандинавии и чуть менее интенсивно — в других европейских государствах. Их основная задача заключалась в сохранении национального наследия, а точнее — архитектуры и быта сельских жителей. Примечательно, что целые дома и улицы просто вывозили со своих изначальных мест на новое, где постройки сохраняли лишь музейную функцию.

В советском государстве, где борьба с наследием велась особенно интенсивно, ученые-искусствоведы также старались любым путем спасти дореволюционное искусство. В 1920-годы архитектор Петр Барановский предложил открыть музей под открытым небом в Коломенском в Москве и перевести туда исчезающее храмовое наследие Русского Севера [Цветнов, 2018]. Его затея не увенчалась успехом. Однако позже, уже в послевоенное время, утрата исторического облика городов, где проходила линия фронта заставила советское руководство взглянуть новыми глазами на руинированное наследие и приступить к его консервации, реставрации и активной музеефикации. Так, например, появился наиболее знаменитый советский, а теперь и российский музей под открытым небом в Кижях.

В то же послевоенное время отношение к культурному наследию в Европе приобрело совершенно новый окрас. Если до XIX–XX века в фокусе внимания исследователей были размышления о реставрации и консервации, а также об историко-архитектурной ценности объекта, то после войны людей волновала повсеместная массовая утрата памятников в результате бомбардировок, штурмов городов и актов геноцида. 16 ноября 1945 г. начала свою работу ЮНЕСКО. Как и в случае с другими учреждениями ООН, ее задачей было не много ни мало возвращение стран к мирной жизни и предотвращение последующих масштабных разрушений и нарушений прав человека.

Здесь мы подходим к понятию утраты, которое и было движущей силой для развития междисциплинарного поля наук о наследии (*heritage studies*) и более прикладных решений по сохранению наследия на местах.

Культурное наследие имеет определенный режим темпоральности. XX век стал временем ускоренного научно-индустриального развития и рефлексии о двух мировых войнах. В своей книге «В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем» историк Герман Люббе винит в возросшем интересе к культурному наследию быстрые темпы развития общества и изобилие инноваций, которые девалоризируют современную культуру и делают ее менее интересной широкому зрителю [Люббе, 2019]. Именно поэтому, по мнению

Люббе, обывателей так привлекал монументальный неоклассицистический стиль, взятый на вооружение Третьим Рейхом, фашистской Италией и СССР. Классицизм, как известно, уже успел «зарекомендовать себя как хороший», а новинки архитекторов-модернистов вызывали скорее скепсис, нежели восхищение. «Тот, кто уже сегодня хочет быть завтрашним, послезавтра сам будет вчерашним», — так Люббе характеризует поколение XX века, рьяно стремящееся вперед, но неизбежно возвращающееся в прошлое [Люббе, 2019: 13].

Риторике Люббе вторит историк Дэвид Лоуэнталь в книге «Прошлое — чужая страна» (1985) [Лоуэнталь, 2004]. Изменение темпоральности культурного наследия приводит к тому, что его ценность сбивается и рассредотачивается. Для эссенциалистов, как мы помним, ценность устанавливалась с помощью стандартной историко-художественной экспертизы, а залогом ее хорошего исхода служили блистательные провенанс и техника исполнения. Но в обществе, одержимом ностальгией, ценным становится почти все, что говорит нам о недавнем прошлом. Более того, рационального и строгого эксперта заменяет эмоциональный и иногда невежественный обыватель. К наследию можно отнести уже не только памятник XIX века, но и семейный фотоархив или коллекцию мобильных телефонов из 2010-х годов — круг агентов и медиумов расширяется до неузнаваемости. Таким образом, наследие — это уже не ценная «вещь в себе», а некоторый эмоциональный посредник. При этом Лоуэнталь предупреждает: «Невежество наравне с удаленностью защищает наследие прошлого от тщательного разбора» [Лоуэнталь, 2004: 134–135]. Все это неизбежно ведет к упрощению и фальсификации. Как подмечает Люббе, наши города в результате новой темпоральности заставлены новоделом: «Перед нами не объекты охраны исторических памятников, а порождения ее историзирующей архитектурной практики, отличающиеся крайне разношерстным изобилием компромиссов в потугах сочетать функцию практического использования старого строения с его функцией исторического памятника, определяемой историческим сознанием» [Люббе, 2019: 77]. И вопрос здесь состоит не столько в эстетической непривлекательности и обилии «фейков», сколько в скрытой враждебности национальной политики по отношению к чужакам. По мнению Лоуэнталя, наследие дарит чувство национальной гордости и при этом формирует жесткую границу между «нашим» (хорошим) и «чужим» (плохим). Наследие — это оборонительная линия, выстроенная против процессов глобализации и транскультурации.

«Ретротопия» — такой диагноз современному обществу поставил в 2017 году социолог Зигмунд Бауман [Бауман, 2018]. А ведь прошло уже много лет, и ужасы научного прогресса и двух мировых войн как будто должны были отступить перед новой действительностью. По мнению Баумана, современное общество, погрязшее в межнациональных конфликтах, остро нуждается в комфортном месте, где можно забыть о происходящем вокруг безумии. Таким местом становится старое-доброе прошлое, его притягательное культурное наследие. Эта комфортная зона должна быть максимально стерильна и избавлена от чужаков, суждения которых вызывают опасение и скепсис. Гомогенность, целостность, привлекательность — только таким

должно быть наследие преуспевающих стран. Бауман демонстрирует жуткую эсхатологическую картину настоящего, лишённого культурной инклюзивности и диффузности. Неизбежно возникает вопрос: как мы к этому пришли и кто же виноват?

Историк Ирина Сандомирская увязывает период складывания национальных государств в XIX веке с так называемым «патримониальным синдромом» [Сандомирская, 2022]. В то время интерес к прошлому был связан с конструированием национальных доминант, реперных исторических точек и целостных нарративов. Способом же легитимации своих притязаний на национальную исключительность стали именно памятники — материальные следы прошлого. Дело их спасения оказалось вопросом национальной гордости. Сандомирская демонстрирует, что понятие аутентичности также «развеществилось» и превратилось в моральную норму, опосредованную «служением Родине» и «любовью к Отечеству». Прошлое же стало объектом коммерческой эксплуатации, имеющим цель «сформировать патриотизм как секулярную религию с соответствующими гражданскими чувствами» [Сандомирская, 2022, с. 39].

Речь идет все о той же эмоциональности, заявленной Лоуэнталем, но уже дополненной новой гражданской идеологией. Реставрация же памятников в таком режиме темпоральности нацелена на настоящее, хоть и работает с артефактами прошлого. Цель любой реставрации — адаптировать исторический материал под актуальную стратегию понимания и видения прошлого.

В этом замкнутом пространстве настоящего, куда прошлое может войти только при жестком соблюдении «дресскода», возникает вопрос агентности: кто принимает все эти решения? Кто делает наследие наследием? Ирина Сандомирская говорит о конфликте между «верхами» и «низами», где первые решают, что такое наследие, а вторые протестуют против сноса памятников или же сами свержают их с постаментов. Таким образом, «верхи» — это холодная рациональная сила, а «низы» — эмоционально заряженная толпа.

Против экспертов и властных дискурсов

На вопрос, из кого же состоят «верхи», довольно интересно отвечают антропологи-полевики, в частности Натали Эник. В 2004 году она провела полевое исследование с целью выявить стратегии и принципы, которых придерживается французская служба, уполномоченная «номинировать» объект памятником наследия [Эник, 2017]. На деле возможность называть нечто наследием (по Эник — выполнять «патримониальную функцию») связана с необходимостью классифицировать объекты и переводить их из плоскости личного в плоскость публичного. Натали Эник пишет, что «технологии инвентаризации и методики описания, используемые специалистами по наследию, становятся все более изощренными и тонкими, а набор критериев для отбора расширяется. Это позволяет все большему числу артефактов пополнять перечни объектов культурного наследия» [Эник, 2017, с. 190]. Таким образом, вопрос включения в список наследия находится всецело в руках

уполномоченных на то бюрократических институций, задающих критерии, которыми вынуждены руководствоваться все участники процесса.

Аналогично в своем этнографическом исследовании «*Making Intangible Heritage*» фольклорист и делегат ЮНЕСКО от Исландии Валдимар Хафштайн анализирует процесс взаимодействия между сотрудниками департамента нематериального культурного наследия ЮНЕСКО и представителями государств и локальных сообществ, которые выступают в роли «хранителей» этих объектов [Hafstein, 2018]. Критика исследователя направлена на саму концепцию защиты нематериального наследия, выдвинутую ЮНЕСКО. С одной стороны, это очевидный политический запрос на мультикультурализм: необходимо создать «видимость» различных этнических сообществ [Мочалова, 2020]. С другой стороны, такая номинация является нормативной: именно органы ЮНЕСКО, опираясь на расплывчатое видение аутентичности, определяют, какое сообщество является «хранителем» некоторого нематериального наследия. Получается, что отдельные институты, выполняющие некоторый политический запрос, случайно или намеренно создают классификации и присваивают ярлыки уже не только материальным памятникам, но и нематериальным и внетемпоральным сущностям.

Поддержкой же и легитимацией бюрократической системы, работу которой раскрывают и обличают Эник и Хафштайн, занимаются, по мнению критически настроенных исследователей, властные институции и производимые ими дискурсы. Появившаяся на почве междисциплинарных дебатов в 2000-е годы дисциплина *critical heritage studies* богата критическими исследованиями неравенства, культурной гомогенности и инклюзивности.

В ставших каноническими работах Лораджейн Смит, в частности в «*Use of Heritage*» [Smith, 2006], культурное наследия фреймируется по сути марксистским антагонизмом. Дискурсы по поводу наследия носят либо авторизованный (властный, экспертный и номинирующий), либо маргинализированный характер. Интерес исследовательницы заслуживают именно вытесненные и фрагментированные дискурсы. На примере австралийских рукодельниц народности вааньи Смит демонстрирует, что вопрос сохранения наследия индигенных народов касается не просто наделения формальным правом на развитие своей культуры. Для реального воспроизводства культурных образцов необходимо создать специальные условия для их существования. Например, передать носителями нематериальной культуры в пользование территорию заповедной зоны, где их предки издавна занимались промыслами: «Хотя эти места были очень важны для женщин [вааньи], именно использование, а не сам факт существования делает их наследием» [Smith, 2006, с. 46]. Получается, что в мире авторизованного национального дискурса, который стремится к гомогенности и целостности, некоторым культурам нет места, даже если юридически они не лишены такого права. Неслучайно исследовательский интерес Смит заслуживают многочисленные нематериальные культурные практики: разработанное в западной традиции понятие «наследие» весьма неудачно соотносится с тем, что мы сегодня называем нематериальным культурным наследием. При этом такие ключевые международные документы,

как «Венецианская хартия» 1964 года и «Нарский документ о подлинности» 1994 года, приоритизируют нематериальное над материальным, делая дебаты о соотношении двух «наследий» более острыми и сложными.

Критический взгляд на наследие показывает, что привычное надделение правом и его манифестация с помощью таких практик, как фестивали, выставки, форумы, этнопарки или ярмарки, по сути лишь формальная процедура, укрепляющая позиции авторизованного дискурса. Существующие разбалансировка и неравенство заставляют придумывать специальные механизмы восполнения агентности. Так, в типичном «постколониальном» американском кейсе про совместный менеджмент рассматривается модель классических договорных долевых договоренностей по разделу заповедных зон [Grey, Kuokkanen, 2020]. В связи с тем, что индигенный контрагент не воспринимает и не воспроизводит классические для западного человека договорные механизмы, он в итоге оказывается в угнетенном положении. Из этого следует, что необходимо разработать специальные механизмы восполнения агентности, отличные от привычных практик надделения правом.

Вместе с тем проблема уязвимости некоторых «наследий» и их исключенности из общего контекста видится неразрешимой, поскольку существуют властная идеологическая сила, стремящаяся к гомогенности, и бюрократическая машина, стремящаяся к соблюдению предписаний закона и исполнению политического заказа. Так или иначе, субалтерн останется неслышанным и выключенным из общего контекста чужаком, от которого необходимо оградиться границами национального наследия и потемкинскими этнопарками.

Запрос на децентрализацию дискурсов о наследии и предоставление голоса разнообразным культурным меньшинствам имеет, однако, скорее «негативную» природу: позиция подчиненной культуры зависит непосредственно от властных институций и их действий. Наследие же является ресурсом, обладание которым позволяет доминировать конкретные объекты или практики и определять критерии для их верификации. Однако подобная критическая оптика зачастую нивелирует все те внутрисистемные или антисистемные низовые практики, которые формируют альтернативное видение наследия.

А где же люди? Повседневность и наследие

Повседневность позволяет разрядить гомогенную авторизованную среду альтернативным взглядом на город и его наследие. Безусловно, наследие не ограничивается городским пространством, однако именно в городе отстаивание своей индивидуальности [Зиммель, 2002] или права на город [Харви, 2008] и его наследие становятся более актуальными и насущными потребностями. Стоит отметить, что ряд исследователей предлагают обратить взгляд и на провинцию: так, например, Людмила Партс указывает, что дихотомия между «провинцией» и «городом» в российском контексте приводит к недооценке негородских пространств и его наследия, а также способствует воспроизводству «мифа о провинции» [Parts, 2016]. Вместе с тем

немногочисленность работ, посвященных наследию в негородской среде, заставляет обратить в настоящей работе свой взгляд первостепенно на город.

Кевин Линч в книге «Образ города» [Линч, 1982] отводит целую главу для изучения роли наследия в городском контексте. Наследие представлено как некоторый знак, вписанный в ментальную карту горожан и позволяющий им ориентироваться в городе, находить архитектурные доминанты и различать с их помощью изначально данную гомогенную среду. В классическом американском городе Линча наследие становится еще и ностальгической пристежкой: люди, приезжающие из других городов, находят нечто «домашнее» и «знакомое» именно в памятниках наследия: мимо таких же домов в псевдовикторианском стиле они ходили детьми, а точно такой же памятник Линкольну был установлен на улице любимой бабушки. Следуя рассуждению Линча, мы попадаем в контекст «одомашненного» наследия, которое не воспринимается горожанами как нечто национально или культурно маркированное. Напротив, этот знак персонализируется и инструментализируется.

В не менее классической работе французского социолога Мишеля де Серто «Призраки в городе» ставится актуальный для времен парижской реновации вопрос о роли наследия в современном Париже: нужно ли музеефицировать эти древности, которые превратились в бестелесных призраков, либо же необходимо реинтегрировать их в городской контекст [Серто, 2010]. Для де Серто это вопрос не выбора, а эпистемологической оптики. Призраки в городе на деле имеют плоть и кровь и становятся фоном для повседневных интеракций горожан. В случае же, если памятник выключен из контекста и не окружен многочисленными «жестами» и «нарративами», его номинация в качестве объекта наследия должна быть редуцирована до музейного артефакта. В уже упомянутой работе Натали Эник наследие рассматривается как нечто, обладающее пространственной протяженностью и позволяющее вовлекать большее число людей во взаимодействие [Эник, 2017]. Наследие должно принадлежать сообществу и рассматриваться как коллективное благо — именно это и придает ему ценность и значимость.

Получается, что горожане все же не лишены агентности в деле валоризации наследия. Один из способов проявления такой агентности — рутинизация наследия, его «одомашнивание». Еще одним примером мягкой силы может быть забота о памятнике. Забота — это воспроизводящаяся практика, нацеленная на помощь и поддержку субъекта или объекта и имеющая некоторые институциональные рамки (settings) [Tronto, 1998]. Забота о памятнике двупаправлена: активисты заботятся как об объекте, так и о сообществе, вовлеченном в эти практики [Veldpaus, Szemző, 2021]. При этом забота сглаживает конфликты и помогает в поиске консенсуса в публичной сфере.

Более радикальные практики присвоения городского пространства предлагает Анри Лефевр [Лефевр, 2015]. В своих работах он противопоставляет репрезентации пространства, связанные с доминирующим порядком ученых, планировщиков и технократов, пространству репрезентаций. Последнее является переживаемым пространством самих жителей — образами и символами, которые они ему приписывают. В качестве способов пространственного

освоения Лефевр предлагает трансформацию пространства посредством повседневных рутинных практик, художественную интервенцию, протест или же апроприацию. Тогда как протест и интервенция — наиболее радикальные способы заявления своего права на город, апроприация может предполагать разнообразные стратегии. Рассмотреть и типологизировать эти стратегии относительно наследия видится важным в связи с активным развитием практик государственно-частного партнерства и приватизации памятников крупными фондами или частными лицами [Лебедев, Якушев, 2010]. Смена собственника в разных странах может быть связана как со снижением бремени по уходу за памятниками, так и с потребностью в их ревитализации и более активном включении в городскую среду. Агентами зачастую становятся рядовые граждане и их организации. Другая возможная сложность — наличие бесхозных памятников и их присвоение ответственными акторами. В результате различные бесхозные объекты присваиваются и реинтегрируются горожанами в городскую среду. Назовем несколько форм апроприации наследия «снизу».

Например, коммерческая апроприация, или коммодификация, наследия позволяет ревалоризировать памятник и сформировать вокруг него новую систему значений. Исследовательница музеев Б. Киршенблат-Гимблет пишет, что наследие является добавочной ценностью [Киршенблат-Гимблет, 2013]. Эту ценность как раз и должен упаковать и презентовать частный бизнес в многочисленных этнических кафе, стилизованных ресторанах или коммерческих музеях. При этом стоит учитывать, что турист нового времени избалован и требователен, ему нужно предлагать не просто стилизацию и *“tourist-friendly”* пространства, но еще и «аутентичность», погружение в «настоящий» городской контекст. И здесь снова проявляет себя все то же «одомашнивание», рутинизация наследия. Задача хорошего бизнесмена — разыграть спектакль или действительно поучаствовать в развитии городской среды в целом, а не только туристического сектора [Макканелл, 2016; Larsen, 2019].

Существует и другая форма апроприации — культурная. Символическое перекодирование памятников чужой культуры может осуществляться как в русле эксплуатации образов и их репликации, так и в более реципрокных формах [Rogers, 2006], апроприация может работать на культурную инклюзивность и диффузность [Halicka, 2020]. Например, Томас Серрье называет польский случай вторичного присвоения немецкого наследия Восточной Пруссии в 1990-е годы моделью включающей и принимающей апроприации, которая предполагает международный обмен, реципрокные практики и выстраивание поликультурного диалога.² Это, безусловно, было бы невозможно, без низовых краеведческих, просветительских, активистских инициатив, направленных на реинтерпретацию немецкого культурного наследия и создание альтернативных стратегий ее апроприации. Из этого следует, что партикулярные дискурсы могут вытеснять авторизованный дискурс под давлением не только новой внешнеполитической повестки, но и низового запроса на разнообразие.

² Thomas Serrier, 15th Anniversary of the Nantes Institute Thomas Serrier (публичное выступление). URL: <https://www.iea-nantes.fr/en/news/15th-anniversary-institute-thomas-serrier-other-people-s-homes> (дата обращения: 07.06.2024).

Таким образом, низовые практики, к которым прибегают городские акторы, в отдельных случаях позволяют преодолеть гомогенность и авторизованность, о которых говорят представители критических исследований наследия. Не оспаривая существующий дисбаланс сил и преобладание официальных и однотипных прочтений, сложно отрицать то значение, которое приобретают действия отдельных горожан и их организаций по присвоению исторической среды, его ревалоризации, рутинизации и пересборке.

Заключение

Рассмотренные в статье подходы к концептуализации наследия, хоть и не являются полным перечнем всех существующих проблематик и дискуссий в поле *heritage studies*, предлагают обзорный взгляд на развитие предметной области.

Как было показано выше, критические исследователи наследия направляют свои замечания в адрес авторизованных институций и авторов, будь то эксперты, бюрократы и другие представители «верхов». В руках экспертов наследие становится инструментом для утверждения авторизованного и идеологически нагруженного дискурса [Smith, 2006]. Бюрократические институты следуют политическому заказу и превращают наследие в нечто ригидное и нормативное [Hafstein, 2018; Эник, 2017]. Не менее неповоротливым и односложным наследие делает проводимая государством культурная политика, нацеленная на вытеснение разнообразных культур и их артефактов или же их апроприацию. В этом ограниченном и гомогенном поле властно присвоенных значений не остается место горожанину с его культурным и повседневным багажом. Не остается места и самому материальному памятнику и его «ауре», способной вызвать сильные эмоциональные переживания у зрителя и прохожего.

Особый интерес в этой связи вызывают работы, в которых подлежат рассмотрению низовые практики присвоения, коммодификации, или рутинизации наследия, а также порождаемые в процессе таких действий диффузные культурные формы. Наследие становится не демаркационной линией и ограниченным ресурсом по производству монотонных смыслов, а стимулом для сближения, производства разнообразных значений и формированию публичной дискуссии. Возвращая себе ежедневно право на город и его историческую среду, горожане способны противостоять навязанной культурной гомогенности и авторизованным дискурсам.

Литература / References

- Бауман З. Ретротопия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 435–442. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.22> EDN: YZYIHJ
- Bauman Z. (2018) Retrotopia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6. P. 435–442. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.22>

- Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. Т. 3. № 34. С. 1–12.
Simmel G. (2002) Big Cities and Spiritual Life. *Logos*. Vol. 3. No. 34. P. 1–12. (In Russ.)
- Колесник А. С., Русанов А. В. Наследие — как-процесс: дискуссии о концепте культурного наследия в современных социальных и гуманитарных науках // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2022. Т. 58. № 3. С. 58–69. DOI: <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2022-3-58-69> EDN: YVCEFY
- Kolesnik A. S., Rusanov A. V. (2022) Heritage-as-Process: The Concept of Cultural Heritage in Contemporary Social Sciences and Humanities. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Perm University Herald. History]. Vol. 58. No. 3. P. 58–69. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2022-3-58-69>
- Лефевр А. Производство пространства. Пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015.
Lefebvre A. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [Space Production]. Transl. from French by I. Staf. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)
- Линч К. Образ города. Пер. с англ. В.Л. Глазычевой. М.: Стройиздат. 1982.
Lynch K. (1982) *Obraz goroda* [The Image of the City]. Transl. from Eng. by V. L. Glazicheva. Moscow: Strojizdat. (In Russ.)
- Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Владимир Даль, 2004. EDN: WLBSYX
- Lowenthal D. (2004) *Proshloe — chuzhaya strana* [The Past Is a Foreign Country]. Transl. from Eng. by A. V. Govorunov. SPb.: Vladimir Dal. (In Russ.)
- Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М.: Издательский дом «ВШЭ», 2019.
Lübbe G. (2019) *V nogu so vremenem. Sokrashchennoe prebyvanie v nastoyashchem* [In Step with Time: The Abridged Presence in the Present]. Moscow: Izdatelskij dom "VShE". (In Russ.)
- Киршенблат-Гимблет Б. Нематериальное наследие как метакультурное производство // Вопросы музеологии. 2013. № 2. С. 3–16. EDN: RWNGBP
- Kirshenblat-Gimblet B. (2013) Intangible Heritage as Metacultural Production. *Voprosy muzeologii* [The Problems of Museology]. No. 2. P. 3–16. (In Russ.)
- Лебедев В. Н., Якушев А. Ж. Государственно-частное партнерство как важнейший элемент механизма восстановления и сохранения культурно-исторического наследия России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2010. № 4. С. 138–151. EDN: NCZRIT
- Lebedev V. N., Yakushev A. Zh. (2010) Public Private Partnership as Important Instrument of Recovery and Preservation of Russian Cultural and Historical Heritage. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika* [ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice]. No. 4. P. 138–151. (In Russ.)
- Макканелл Д. Турист. Новая теория праздного класса. Пер. с англ. А. Боровиковой, Е. Изотова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. EDN: XDCIKD
- Maccannell D. (2016) *Turist. Novaya teoriya prazdnogo klassa* [The Tourist: A New Theory of the Leisure Class]. Transl. from Eng. by A. Borovikova, E. Izotov. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)
- Мочалова М. А. Как говорить о нематериальном культурном наследии? // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 298–304. DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/28/17> EDN: QVDFDO
- Mochalova M. A. (2020) How Can One Speak of Intangible Cultural Heritage? *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research]. No. 2. P. 298–304. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/28/17>
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский центр «Азбуковник», 1999. EDN: RXPGBP
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (1999) *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennostyu "Izdatelskij centr "Azbukovnik". (In Russ.)

- Рёскин Д. Семь светочей архитектуры. СПб.: Азбука-классика, 2007.
- Ruskin D. (2007) *Sem svetochej arhitektury* [Seven Lamps of Architecture]. SPb.: Azbuka-klassika. (In Russ.)
- Сандомирская И. Past discontinuous: фрагменты реставрации. М.: Новое Литературное Обозрение, 2022.
- Sandomirskaja I. (2022) *Past discontinuous: fragmenty restavracii* [Past Discontinuous; Fragments of Restoration]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russ.)
- Севан О. Г. Музеи под открытым небом Европы // Обсерватория культуры. 2006. № 3. С. 60–69. EDN: [KVNQI](#)
- Sevan O. G. (2006) The Open-air Museum of Europe. *Observatoriya kultury* [Observatory of Culture]. No. 3. P. 60–69. (In Russ.)
- Серто М. де Призраки в городе // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 108–121.
- Serto M. de (2010) Ghosts in the City. *Neprikosnovennyj zapas* [An Inviolable Supply]. No. 2. P. 108–121. (In Russ.)
- Харви Д. Право на город // Логос. 2008. Т. 3. № 66. С. 80–94.
- Harvey D. (2008) The Right to the City. *Logos*. Vol. 3. No. 66. P. 80–94. (In Russ.)
- Цветнов В. А. ПД Барановский. Эволюция взглядов: от музеев под открытым небом к охране культурных ландшафтов Русского Севера (1920–1970-е годы) // Academia. Архитектура и строительство. 2018. № 2. С. 35–39. DOI: <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2018-2-35-39> EDN: [XSUSFN](#)
- Tsvetnov V. A. (2018) P.D. Baranovsky. Unknown Pages in the Protection of Architectural Monumental of the Russian North (1920–1970). *Academia. Arhitektura i stroitelstvo* [Academia. Architecture and Construction]. No. 2. P. 35–39. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2018-2-35-39>
- Эник Н. «Изготовление» культурного наследия // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2017. № 4. С. 188–198. EDN: [IMFREN](#)
- Enik N. (2017) The Making of Cultural Heritage. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i culture* [Emergency Reserve: Debates on Politics and Culture]. No. 4. P. 188–198. (In Russ.)
- Grey S., Kuokkanen R. (2020) Indigenous Governance of Cultural Heritage: Searching for Alternatives to Co-management. *International Journal of Heritage Studies*. Vol. 26. No. 10. P. 919–941. DOI: <https://doi.org/10.1080/13527258.2019.1703202>
- Hafstein V. (2018) *Making Intangible Heritage: El Condor Pasa and Other Stories from UNESCO*. Bloomington: Indiana University Press. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv4v3086>
- Halicka B. (2020) *The Polish Wild West: Forced Migration and Cultural Appropriation in the Polish-German Borderlands, 1945–1948*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003024903>
- Larsen J. (2019). Ordinary Tourism and Extraordinary Everyday Life: Re-thinking Tourism and Cities. In: T. Frisch, C. Sommer, L. Stoltenberg, N. Stors (eds.) *Tourism and Everyday Life in the Contemporary City*. London: Routledge. P. 2–41.
- Price N., Talley M. K., Vaccaro A. M. (ed.). (2016) *Historical and Philosophical Issues in the Conservation of Cultural Heritage*. Los Angeles: Getty Publications.
- Parts L. (2016) The Russian provinces as a cultural myth. *Studies in Russian and Soviet Cinema*. Vol. 10. No 3. P. 200–205.
- Rogers R. A. (2006) From Cultural Exchange to Transculturation: A Review and Reconceptualization of Cultural Appropriation. *Communication Theory*. Vol. 16. No. 4. P. 474–503. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2006.00277.x>
- Smith L. (2006) *The Uses of Heritage*. L.: Routledge.
- Tronto J. C. (1998) An Ethic of Care. *Generations: Journal of the American Society on Aging*. Vol. 22. No. 3. P. 15–20.

Veldpaus L., Szemző H. (2021) Heritage as a Matter of Care, and Conservation as Caring for the Matter. In: *Care and the City*. New York: Routledge. P. 194–203.

Сведения об авторе:

Калинычева Софья Дмитриевна — магистрант, магистерская программа «Комплексный социальный анализ», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** sdkalinycheva@edu.hse.ru.

Статья поступила в редакцию: 05.10.2024

Принята к публикации: 09.12.2024

БАК: 5.4.1

.....

A Critical Turn in Heritage Studies: From Power Discourse to Grassroots Practices

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4.1

Sofia D. Kalinycheva HSE University, Moscow, Russia
E-mail: sdkalinycheva@edu.hse.ru

In this article, the author analyzes the subject field of cultural heritage studies, starting from the time of the emergence of the scientific discourse on heritage in the 19th century and ending with contemporary critical studies. It is noted that the works published in the last decades revise the usual idea of cultural heritage as an authentic medium between past and present, and instead propose to understand heritage in its processual forms, be it authorized discourses, expert nomination or grassroots practices of protection and care. In doing so, the temporal dimension of heritage, its devalorization and reassembly in relation to the needs of contemporary viewers, becomes important. The author sets out to identify the main directions and reference points of heritage studies and critical heritage studies, theoretical and applied limitations, as well as to determine what leads to the defragmentation of this subject area and whether this process is to be feared. The paper focuses on grassroots practices of heritage use: appropriation, commodification and routinization, and the place heritage is given in the space of the contemporary city.

Keywords: cultural heritage; heritage studies; critical heritage studies; collective memory; cultural appropriation; temporality; commodification

Author's Bio:

Sofia D. Kalinycheva — MA Student, Master's Programme "Complex Social Analysis", HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** sdkalinycheva@edu.hse.ru.

Received: 05.10.2024

Accepted: 09.12.2024